

ФРЕЙД И ВАЛЮТА

Виктор Ерофеев вступает в постсексуальное время

Ян Шенкман

Только что вышел сборник прозы «Время рожать»: под одной обложкой Виктор Ерофеев собрал прозаиков, которые, по его мнению, достойно представляют нашу словесность в новом тысячелетии. Часть имен известна (Анастасия Гостева, Екатерина Садур, Павел Пепперштейн, Ярослав Могутин), остальным, как считает писатель, еще предстоит прозвучать.

В НАЗВАНИИ сборника заключена претензия на определение новой эпохи.

— Если без метафор, мы переходим к новому типу культуры. Это не менее радикальный переход, чем от классицизма к романтизму. 1970—1980-е годы были временем жестких разборок: социальных, профессиональных, метафизических... Сейчас же наступило более мягкое время. Новое поколение представляет собой целый ряд маленьких монтеней, которые пытаются понять, кто же они такие.

— В уходящем типе культуры что-то было не так?

— У нас царила не культура, а скорее контркультура, агрессивная и непродуктивная. Всех, кто что-то делает, она считала идиотами. А тех, кто ничего не делает, критикует и издевается, — героями. Сегодня вещи, наконец, стали обретать свою цену, мир теперь желает быть настоящим и не хочет оставаться в словах. Главная наша валюта — русский язык, в объеме от высокого штиля до мата. Но надо помнить, что жизнь словами не исчерпать.

— А какие корни у авторов «Время рожать»? Может быть, это уже вовсе и не русская литература?

— Русская, так как она печется о личной метафизике, о душе. Наша литература вообще метафизична, а плохая ее часть идеологична. Во «Времени рожать» идеологии не пахнут, и, как я пишу в предисловии, «под внутренними органами молодые подразумевают печень и почки».

Виктор Ерофеев.

— Какая же тут метафизика? Это скорее анатомия...

— Может, и анатомия, зато здорвая, без психоанализа. И если Ницше говорил, что Бог умер, то, наконец, можно сказать, что умер дедушка Фрейд. Сексуальные мук, так свойственные двадцатому веку, заканчиваются, мы вступаем в постсексуальное время. Секс из доминирующего фактора, который определял наши сны и желания, станет просто одной из многих потребностей организма. Я думаю, что место секса займет поиск неведомого бога.

Гуманизм тоже умер и похоронен рядом с Фрейдом. Я поинтересовался, наконец, что все эти авторы читали мою антологию «Русские цветы зла».

— Они, наверное, считают вас мэтром?

— Не думаю. По энергетике эти люди мне гораздо ближе, чем мои сверстники по литературе. Любопытно, кстати, что половина участников — женщины. Девушки начали высказываться о самосознании не менее удачно, чем молодые люди. Это свидетельствует в пользу моих концепций еще времен «Русской красавицы»: женский ум засран меньше, чем мужской. Могу особо выделить Маргариту Шарарову, Зину Китайцеву («Смерть Микки-Мауса»), хорошо известную Анастасию Гостеву и Яну Вишневскую (рассказ о смертях в

московском метро). У многих присутствует тема однополой любви, но не так, как было принято в восьмидесятые, а без претензии на шок и сексуальные страдания.

Один из участников — Ярослав Могутин, 26-летний герой гей-кругов. Вот он, как ни странно, чувствует необходимость доказывать свое право на существование, и это выглядит несколько старомодно. Есть еще такой Ефим Свекличный с рассказом «Железный занавес секса». Его герой — «motherfucker», если понимать это слово буквально. Но никакой трагедии типа «Эдипа» не происходит. Его мораль: пусть лучше льется сперма, чем кровь.

— А как вы оцениваете литературные качества текстов?

— Я бы отметил мягкую зигзагообразность стиля. Текст все время меняет траекторию, но плавно, без резкой ломки. Сленг обрабатывается до такой степени, что легко входит в литературу. Язык более энергичен, чем вялый советский или выжигающий все живое язык постмодерна. Такой новый русский язык. Не «новорусский», а именно новый русский.

Еще одна идея молодых авторов: жизни не надо бояться. Не страшно менять свою жизнь: стать бизнесменом, перекалцифицироваться в таксиста, обратиться в буддизм и снова стать бизнесменом.

Независимая газета. — 2000. — 11 окт. — с. 7